

Виктория Беляева,

*лауреат ряда литературных премий,
участница фестиваля «Во славу
Бориса и Глеба», г. Ростов-на-Дону*

СЧАСТЬЕ СО ВКУСОМ СЕВЕРА

Рассказы

Я села в душную маршрутку, чтобы добраться в ту часть города, которая считалась местными богом забытой. Там дачные участки рассыпались вокруг старого завода и постепенно стали целым новым районом. Несколько лет назад я с родителями перебралась жить на юг. Семейные перипетии вмешались в географию жизни, но сердце так и осталось в лесных уральских местах.

А тут посреди липкого, июльского зноя моя голубушка-тетушка навела суматоху. Узнала, что ее соседи отправляются в наши места, и собрала для «своего дитятка всякого-разного угощения от медведя-братца».

И теперь я, вареная, тащилась к знакомым тетушки забирать гостинцы с русского севера.

Середина лета жарила и превращала людей в вялых мух. Маршрутка ползла, кланяясь светофорам и остановкам, и я, обливаясь потом, злилась на эту чистосердечную затею Нюрочки.

В самом деле, ну дались ей эти гостинцы через всю страну? На юге летом фруктов пруд пруди. Но сердцу все же тот вкус памятнее, дороже.

Ведь фрукты фруктами, а уральские ягодки, точно из сказок Бажова, — что ни глянь: самоцветы кисло-сладкие. Эти россыпи в лукошках все детство кормили витаминами.

А уж пирог тетушкин с молотой черемухой — и вовсе ароматное чудо. В нем и в ягодных бусах пряталось детство. Склоны уральских гор, озеро Таватуй, поселок моих предков и тетушкин бревенчатый дом, что построил дед. Там родились несколько поколений нашей семьи. От воспоминаний о светлых днях детства стало радостно. Захотелось вдохнуть тот самый воздух босоногих лет, пробежаться вслед за шалопаями-мальчишками по поселку вдоль крепких, старинных домов с резным кружевом ставень.

И я улыбнулась, вспомнила, как тетя Нюра в ответ на мои возражения проокала в мобильный телефон: «Ну-ну, вольница, неужто гостинцев наших-то не ждешь. Я тебе дам за то горшок с золой, чтоб ты не была злой».

Сквозняк форточек немного освежил, и я, утонув в воспоминаниях, добралась до нужной остановки. Огляделась. Предстояло плестись сквозь неприветливый частный сектор, чтобы разыскать дом, где меня ожидала корзинка-путешественница.

Южные суховеи были совсем не похожи на северную прохладу. Воздух там звенел чистотой, здесь же пылил и скрипел на зубах. А уж по вечерам в поселке у жемчужно-сизого озера и вовсе дышалось хрупкой тишиной.

Головокружительные запахи таватуйского мира смешивались с запахом домашнего хлеба, что пекала нам Нюра в русской печке. Аромат ржи, леса и воды вдруг едва уловимо проплыл рядом. Я вспомнила сладость колодезной водицы и поняла, что хочу пить.

Я вытащила из рюкзака пластиковую бутылку с остатками теплого кваса, поспорила с навигатором и захотела другого напитка. Его делал дядя Паша, муж Нюры.

Это был резкий, сочного цвета квас. Даже в самый жаркий день он оставался прохладным от того, что хранился в погребе. Резкий, честный вкус свободы, чуток хмельной, но такой настоящий.

Немного покружив вдоль тесных улочек, я отыскала нужный адрес и осторожно стукнула по калитке. Тут же из глубины двора залаяла собака и басом сообщила, кто здесь главный. Ее возмущение прервал звонкий, молодой голос.

И двери мне открыла белолицая, круглая женщина с васильковыми глазами и веснушками-звездочками. Она сразу обняла меня, словно знала всю жизнь:

— Виконька, детонька, а я Маруся, соседка Нюры и Павлухи. Проходи, проходи. Мы тут к сыновей семье приехали.

Я размякла от этого искреннего и теплого порыва и вошла в зеленый дворик, где свежесть победила пыльный город. Огромный мохнатый пес неожиданно лизнул мне руку, словно сказал: «Не трону!»

Время в этом месте растаяло. Маруся с мужем Василием принялись наперебой тараторить о дороге, оттягивая ударения на концы слов и протяжно окая. Маруся закружила меня в обеденной суете. На улице накрыла стол с льняной скатертью, расставила тарелки со щами и семенами укропа, что привезла с собой, отломил кусок ржаного хлеба, а Василий отрезал манник и налил чай с боярышником и жимолостью. Этот напиток я узнала бы и с закрытыми глазами, он пах руками тетя Нюры и нашими вечерами под причудливо изогнутой березой.

Мелодия беседы Маруси и Василия так отозвалась во мне, что все прежнее недовольство от жаркого дня и далекой поездки улетучилось, растаяло вместе с ложкой липового меда в травянистой чистоте напитка.

Стало уютно и спокойно — так же, как на пожарной резной каланче, таватуйке. Деревянная постройка помнила колокол, собирающий людей на пригородок в случае важного события, помнила и нас, ватагу шаловливых детишек, разновозрастную солянку.

Мое уральское детство неожиданно навестило меня здесь, в палящем городском муравейнике. Север доставил гостинец любви пряником, без затей, как он умеет.

Я окунулась в озеро воспоминаний, коснулась шершавых стволов хвойного леса, вернулась к морщинистым рукам Нюрочки. И захотела обратно, к соснам и березам, к небу, что можно достать рукой.

Только лишь когда солнце стало садиться за бледную линию горизон-

та, я вспомнила, что пора прощаться со славными людьми, вернувшими мне самую простую радость:

— Спасибо, Маруся и Василий, тетушке кланяйтесь, тут вот вам и Нюре от нас сазаны вяленые, донские. Не окуни, конечно, таватуйские, но ничего, жирные, маслянистые.

Маруся сморщила нос, отгоняя любопытную пчелу, ударила по мягким коленкам и закачала головой:

— Ешки-матрешки, самое главное-то чуть не забыли!

И вынесла широченное лукошко ягод, подмигнула, указывая на каждую:

— Так-то это княженика, ты-то знать должна, самая наша лучшая ягодка, так-то это морошка-красавица, так-то это голубика-чаровница.

Я широко улыбнулась и закивала.

Василий встал, серьезно спросил:

— Неужто уже пошла? Ну, пора так пора. Ты к Нюре приезжай, хорошо жить на Урале, и небо, и птицы, и свобода — все наше, все настоящее.

А затем подошел и медленно перекрестил меня на дорогу. Как-то просто и уверенно.

Я попрощалась с чистыми, как воздух северного поселка, соседями тетушки и вернулась с таватуйскими дарами домой.

Янтарно-желтый сок морошки смешивался во рту с малиново-свежим ароматом княженики, а по сердцу разлилось лето северной, доброй, лесной песней.

«Так-то это счастье!» — подумала я.

ВКУС ЛЮБВИ

Левка родился в послевоенном Тбилиси. Летная часть, в которой служил отец, была расположена вблизи этого пестрого города радости.

У русских саратовцев появился смуглый, кареглазый бутуз. Люди в шутку поговаривали, что мать крутила шашни с красивым грузином. В него Левка и уродился.

Когда в полтора года мальчишка откусил сочную мякоть огненного перца и даже не пискнул, к сплетням стал прислушиваться даже отец.

Вскоре в семье родился еще один сын. Он был полной противоположностью Левика. Бледный, с соломой желтых волос и тихой синева глаз. Родители назвали младшего мальчишку Васей.

Чем старше становились братья, тем очевиднее была их непохожесть. Старший рос шумным, быстрым и открытым. Младший — тихим, хитроватым. Их скорее можно было принять за случайных знакомых, чем за родных.

Старший радостно поглощал обжигающий суп харчо, хинкали, пропитанные базиликом, кислую глубину ткемали.

Монументальная тетя Нино любила Левкин аппетит. Соседка часто, потирая руки о ситцевый фартук, кричала Льву в форточку двора: «Важишвили, иди за стол!»

Мальчишка, бросая шумную улицу, радостно вбегал в двери ее радушной квартиры.

Уютной ладонью гладила Нино жесткие Левкины кудри, приговаривая: «Геамот, сынок!»

Важишвили тети Нино погиб на войне — так же, как и муж. Поэто-

му всю свою материнскую нежность она дарила Левке. Иногда он просто приходил к соседке, чтобы ощутить себя кому-то нужным.

Мальчик обожал Нино, ее смешную, пропитанную колоритом речь, кухню, заполненную банками со специями, мудрые и понимающие глаза. Однажды Левка, смачно разжевывая хачапури по-аджарски, сказал тете:

— Вот бы ты была моей настоящей мамкой. Жили бы мы душа в душу.

— Лев, ты и так — моя душа.

— Вот все говорят, что я грузин наполовину, особенно потому, что острое люблю и сулико пою лучше местных. Может, правда, тетя Нино?

— Русский, грузин — какая разница. Главное, чтоб человеком хорошим рос. Ты ешь, милый, не разговаривай, а то подавишься, не приведи Всевышний!

Левка кивнул, а упругие кудри запрыгали в такт.

Его родная мать всецело была поглощена младшим Васюткой.

Пропадающий на аэродроме отец не вникал в особенности воспитания сыновей. Старшего он вообще старался не замечать. Лишь изредка, выпив терпкой чачи, бросал жене: «Может, в роддоме напутали?»

Во дворе Левку звали «сыном грузинского народа» или просто грузинчиком. Скорее из уважения, а не для обиды. Мальчишка отстоял свое право быть заводилой в отчаянных драках с местной шпаной. Чтобы скрыть их следы, Нино отстирывала и зашивала мальчишкины вещи, попутно прикладывая к ранам мази, пахнущие мятой и кориандром.

Простая русская картошка с укропом и подсолнечным маслом, оладьи с медом и молочный суп нравились только Васье.

Старший же с наслаждением уплетал хлеб, обожженный горлом грузинской печи. Нино готовила для сорванца с теплой заботой. Молниеносно он поглощал начиненные грецким орехом баклажаны. Горячая краюха пури купалась в шафрановом огне сацебели.

Но больше всего Левка любил чурчхелу. Плотные ядра фундука и инжира, спрятанные в густую пену виноградного сока, были его слабостью.

Этот кисло-сладкий вкус впитался в его память навсегда. Даже спустя много лет он иногда снился Льву.

Когда эскадрилья отца отправляли на север СССР, Левка рыдал. Он даже хотел сбежать из дому, чтобы остаться с тетей Нино, но мальчишки во дворе сказали, что их вместе за это могут выслать из Грузии как «преступных элементов». Такого для своей Нино он допустить не мог, потому передумал. Он крепко обнимал соседку на вокзале, не отпуская с перрона. Глядя на это, родители ежились, избегая взглядов проводника и соседей по вагону.

— Лева, ну, будет уже. Неудобно как, отпуская Нино.

— Ничего, Лариса, ничего. Я ухажу уже.

Левка, вытирая ладонями круглые слезы, шептал тете:

— Я вернусь к тебе, вернуусь!

Соседка перекрестила его и прижала к сердцу:

— Не плачь, важишвили, даст Всевышний, свидимся!

Поезд на Дальний Восток вез их неделю. Левка почти не слезил с верхней полки. Он знал, что в глубине рюкзака лежит завернутый в газету «Правда» подарок тети Нино. Пастила, чурчхела, козий сыр и ветка кинзы пахли теплыми руками соседки.

Рельсы сбегали из Грузии, но Левка знал, что когда-нибудь обязательно возвратится к вкусу этой большой любви.